

кровице
узби

Сэм Хайес

Кровные
узлы

Москва
2019

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44
X15

Sam Hayes
BLOOD TIES

Copyright © 2007 Sam Hayes

Перевод с английского *Елены Татищевой*
Художественное оформление *Петра Петрова*

Хайес, Сэм.

X15 Кровные узы / Сэм Хайес ; [перевод с английского Е. С. Татищевой]. — Москва : Эксмо, 2019. — 448 с.

ISBN 978-5-04-104978-2

Каждый год в январе Сьюзен Варни запирается дома, чтобы вспомнить о своей дочери. Когда-то давно Наташу, совсем еще крошку, украли прямо из салона машины. С тех пор жизнь Сьюзен без преувеличения можно назвать кошмаром: хаос из догадок, бесконечные подозрения, желание ухватиться за малейшую деталь и рассмотреть ее под микроскопом.

Жизнь Роберта, преуспевающего лондонского адвоката, выглядит совсем иначе: молодая жена, талантливая дочка, блестящая карьера. Есть только небольшая проблема – жена ведет себя странно. Она прячет личные письма, избегает общения с новыми людьми и скрывает подробности своего прошлого.

Чем дальше продвигается расследование исчезновения Наташи, тем больше вопросов возникает. Судьбы абсолютно разных людей мистическим образом переплетаются. Наконец у Сьюзен появляется шанс узнать, что же на самом деле произошло с ее дочкой. Но принесет ли правда утешение?

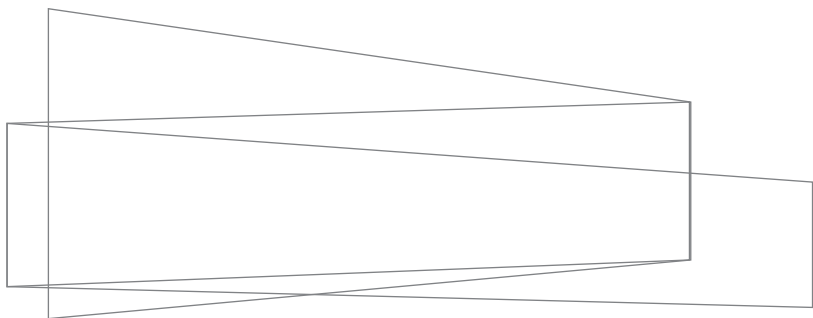
УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44

© Татищева Е., перевод на русский язык, 2019
© Издание на русском языке, оформление.

ISBN 978-5-04-104978-2 Издательство «Эксмо», 2019

*Терри, Бену, Полли и Люси — с любовью.
Продолжайте держаться вместе*

БЛАГОДАРСТВЕННОЕ СЛОВО

Я начинала писать эту книгу одна. Теперь же в это важное дело прямо или косвенно вовлечено множество людей, и я хочу со всей искренностью поблагодарить их за то, что моя рукопись стала книгой.

Крис д'Лэйси, знаменитый детский писатель, Король Драконов, замечательный друг и автор самых лучших электронных писем на земле — спасибо тебе за то, что познакомил меня с нужными людьми, за то, что ввел мяч в игру, за то, что ставил себя под удар, за то, что познакомил меня с кафе Лестера и за то, что вдохновлял своими книгами моих дочерей. Мирел Рининк, крутой, невозмутимый и совершенно обалденный литературный агент — спасибо тебе за то, что поверила в меня, за то, что рисковала, за то, что ты так великолепно со всем справлялась, и за твою дружбу. Если бы не ты, я бы так и ходила кругами. Выражаю также сердечную благодарность Шериз Хоббс, моему редактору в «Хедлайн», за теплое отношение, компетентную редактуру и за такую страстную веру в мою работу, которая превзошла самые смелые мои надежды. Честное слово, я считаю, что мне повезло работать со все-

ми вами и вашей преданной и целеустремленной командой. Я также выражаю особую благодарность талантливому дизайнеру Ричарду Грину, который создал для этой книги идеальную обложку. Я хочу поблагодарить весь персонал «Хедлайн»: технических редакторов, помощников редакторов и всех остальных. Меня потрясает ваше трудолюбие.

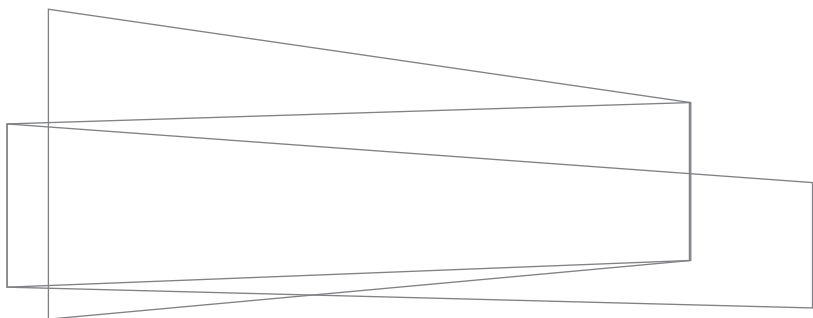
Кроме того, я хочу особо поблагодарить Эмму Дин, прекрасную певицу и автора песен из Бризбейна (www.emmadean.com), которая даже не подозревает, что ее неповторимая музыка много раз спасала меня и давала вдохновение для того, чтобы писать дальше — да, кстати, она приходится мне племянницей. Спасибо, Эм. Ты заслуживаешь огромного успеха.

Выражаю также признательность Анджеле Уичер, Дженнифер Клагстон и Дэну Ли за своевременные и полезные технические советы по вопросам ДНК и генетики.

Еще я выражаю огромную благодарность и любовь моей семье — мужу Терри и трем детям: Бену, Полли и Люси за то, что они обожают хаос и никогда не разрешают мне сдаваться; а также моим родителям: Эврил и Грэму за то, что они всегда верили в успех; а также Джо и Хейди за вдохновляющие беседы у задней двери; и Эдварду и Эмили за их веселость.

Мне бы также хотелось поблагодарить Нила Эйерса, очень талантливого писателя за то, что он стал моим другом по электронной переписке; Бенни Росси, замечательную женщину, к которой я всегда могу обратиться за помощью; Стивена Галлахера, который с каждым годом становится все более и более очаровательным; и Сандру за то, что она помогает мечтам сбываться.

..... 1

Секунд через тридцать после того как молоко потекло у меня из груди, я наконец осознала, что моего ребенка украли. Помню, мне тогда пришла в голову идиотская мысль: к началу визита вежливости, который я нанесу днем родителям мужа, на блузке наверняка появятся круглые затвердевшие белесые пятна.

Я зашла в супермаркет только для того, чтобы купить шоколадный кекс из тех, что специально пекут так, чтобы они выглядели по-домашнему, в надежде внушить Шейле мысль, что он лишь недавно был вынут из нагретой духовки. Я даже захватила из дома блюдо, накрытое кружевной бумажной салфеткой, чтобы было на что его положить. Но когда вернулась к машине — я и выходила-то из нее только на две минуты, всего лишь на *две минуты*, поскольку поездка наконец убаюкала мою Наташу, которая до того орала во все горло, — детское креслице на заднем сиденье было уже пусто. На нем остались только теплая вмятина на том месте, где она лежала, и овальное пятно творожистой младенческой отрыжки на обивке.

Уронив кекс на мерзлую землю, я обыскала машину. В голову сразу же начали лезть дурацкие мысли. Может быть, я все-таки взяла дочь с собой в супермаркет и забыла ее в тележке? И какой-то мягкосердечной старушке приглянулись румяные щечки и пухлые губки младенца? Нет, не может быть... Неужели моя дочь настолько развита, что, когда я ее наконец найду, все вокруг будут изумляться — как это полуторамесячный младенец сумел выбраться из машины и отправиться погулять? А может быть, это Энди, ища меня, увидел припаркованную машину и разбудил Наташу, чтобы убаюкать? Ему можно, ведь он как-никак отец малышки.

Я уверена, что заперла машину.

Выбираясь из салона, я ударилась головой о крышу и наконец признала, что Наташи там нет и я только напрасно потратила драгоценные секунды. Тогда-то молоко и потекло, и я ощутила боль в груди, которую можно унять, только приложив к ней родное дитя. Вот только я потеряла свою малышку.

Яркое, но низкое зимнее солнце слепило глаза, пока я оглядывалась по сторонам в поисках личика Наташи, застывшего над плечом шагающего прочь Энди. Так хотелось наконец ощутить волну облегчения от осознания, что моя дочурка сейчас со своим отцом, что то, чего я боюсь, не случилось, и искаженная реальность, в которой я вдруг оказалась, на самом деле вовсе не существует. Вокруг было на удивление безлюдно, только старенькие муж и жена возились около машины, складывая пакеты с продуктами в багажник.

— Энди! — попыталась крикнуть я, но сумела издать только сипение, словно у меня был бронхит. Горло, казалось, забилося сгустившейся слюной, и с каждым судорожным вздохом морозный воздух обжигал его. Надо заставить себя всмотреться в каждый уголок парковки,

подумала я, но стоило мне повернуть голову, как перед глазами начинал плясать яркий свет, а в ушах раздавался свист. Тогда-то я и превратилась в обезумевшую самку, у которой пропал детеныш.

— *Таша!* — На сей раз мне удалось завопить, и из горла вырвалось нечто, похожее на звериный рык. Не осознавая, что делаю, я расставила ноги, сжала кулаки, сгорбила плечи, шея напряглась, и, вытянув голову вперед, я заметалась между машинами, истошно выкрикивая имя моей малышки. Я подскочила к старой супружеской паре, и оба они в ужасе вскинули руки, уверенные, как я понимаю теперь, что я собираюсь их ограбить.

— Вы не видели моего ребенка? — Вряд ли они поняли мое животное пыхтение, а если и поняли, то не ответили. Я понеслась дальше, инстинктивно осознавая, что дорога каждая секунда. Я продолжала выкрикивать имя Наташи, пока не сорвала голос. Я металась от машины к машине, пока не поскользнулась на льду и не рухнула ничком.

На плечо легла чья-то рука и, подняв голову и упершись взглядом в лимонную светоотражающую куртку какого-то мужчины, наклонившегося надо мной, я услышала младенческий плач.

Я вскочила на ноги и встала на цыпочки, вся обратившись в слух. Где-то слышались тьяканье собаки, по-видимому, надолго оставленной в машине, гудение автопогрузчика, поднимающего поддоны с продуктами из кузова развозного грузовика, лязг магазинных тележек, которые парнишка-подросток собирал в единую вереницу со всех концов заиндевелой парковки. Все мои чувства были напряжены до предела.

И я опять услышала младенческий плач.

Несмотря на все посторонние звуки, я смогла услышать, как грудной ребенок плачет, кричит, вопит, требуя к себе мать. Такой же грудной ребенок, как моя Наташа.

Эти звуки словно образовали круг, разрывающий мой и без того воспаленный мозг в клочья. Плач, вой, непрерывный рев малышки. Но в какую сторону бежать?

Я поставила ногу на бампер и шагнула на капот синего универсала, совсем новой модели, и, помню, мне стало страшно, как бы на нем не осталось вмятин. Я помню это так ясно, помню даже пару перчаток на приборной панели и освежитель воздуха в форме рождественской елки, свешивающийся с зеркала заднего вида. Взобравшись на крышу «Форда», я смогла увидеть уже всю парковку и территорию вокруг нее. Скользящий металл немного подался под моим весом.

— Мисс, — сказал мужчина в ярко-желтой куртке, — прошу вас, мисс, успокойтесь. — Его глаза округлились, зрачки расширились, и я поняла, что он решил, будто я сумасшедшая.

— Замолчите, — попросила я, отчаянно желая вновь услышать младенческий плач. Он слышался с того угла парковки, который выходил на главную улицу. Я, щурясь на слепящее солнце, осматривалась по сторонам, как мне показалось, целую вечность, но в действительности всего секунду или две. И увидела бегущую фигуру.

Я видела, как кто-то бежит по парковке супермаркета, неся грудного ребенка.

— Наташа! — снова завопила я, ведя себя глупо — как будто грудной ребенок способен ответить. Я спрыгнула на бетон прямо с крыши машины, подвернув левую лодыжку, и побежала в сторону главной улицы. Я женщина довольно высокая, но, если не смотреть поверх толпы субботних покупателей с крыши машины, даже мне разглядеть человека, убегающего с грудным младенцем, будет почти невозможно. Но сейчас я была не просто матерью, а матерью-зверем, глаза которой заполнила паника: без труда я пробилась на главную улицу, откуда ясно увидела все вокруг.

Я стояла, задыхаясь, истекающие молоком груди тяжело вздымались под зимним пальто, по спине ручьем стекал пот. Я стрельнула глазами вперед, потом назад, и магазины на главной торговой улице, в которые я всю жизнь ходила едва ли не каждую неделю, внезапно расплылись, превратившись в размытые, незнакомые пятна. И с этого момента весь город начал казаться мне чем-то совершенно чуждым. Я почувствовала себя здесь заблудившейся туристкой, не знающей местного языка.

Увидев фигуру бегущего человека с замотанной шарфом шеей и в зимней шапке, нахлобученной, чтобы защититься от январских холодов, его затянутую в перчатку руку, придерживающую крошечную головку плачущего младенца, фигуру, которая исчезала из виду в переулке Холтс-элли, я бросилась за ним, по этому проулку, лавируя между сигналящими машинами. Сейчас, годы спустя, мне кажется, что я отставала от него всего лишь на пятнадцать — двадцать секунд. И что я вообще не соображала, что делаю.

Переулок Холтс-элли всегда был пропитан запахами горячей картошки фри, пива и мочи. На его противоположном конце обычно толпилась стайка подростков, и 4 января 1992 года не стало исключением из этого правила. Раз или два, когда я еще была беременна и когда мною во время похода по магазинам овладевал приступ обжорства, я втихую заходила в этот проулок и шла в уличное кафе «У Эла». При этом неизменно торчащая здесь группа подростков всякий раз кидала в мой адрес пару шпилек — обычно по поводу лишнего веса и беременности: поедая слишком много жаренных во фритюре колбасок, легче легкого потолстеть. В ответ я просто вежливо улыбалась, не желая раздражать эту компанию, заходила в кафе «У Эла» и наедалась до отвала, испытывая при этом такое же чувство вины, как если бы меня, беременную, кто-ни-

будь поймал за курением табака. Я объедалась только картошкой фри, но поскольку все остальное для ребенка делала правильно, ну, *почти* все, мне казалось, что ни горячая картошка фри, ни запах мочи в переулке не нанесут ему вреда.

Я врѣзалась в группку стоящих без дела подростков, выбив из чьей-то руки банку с «пепси».

— Ой!

— Кто-нибудь видел здесь грудного ребенка? Видели бегущего человека с младенцем на руках? — Говоря это, я брызгала слюной, задыхалась, и мне было все равно, что они сейчас подумают. — Только что. Здесь никто с ребенком не пробежал? — Я наклонилась вперед, уперев руки в колени моих черных вельветовых штанов на резинке, единственной хоть сколько-нибудь стильной вещи, в которую я еще могла влезть ради визита к Шейле.

— Не-а.

— *Пожалуйста.* У меня похитили ребенка!

Что с них взять — у них только-то и было, что прыщи и бравада. Я их не виню. Один из них пару недель спустя, увидев полицейские объявления о пропаже ребенка, хотя бы дал показания...

Я помчалась дальше, прочесывая улицу за улицей.

Бегущий человек исчез. Вместе с Наташей.

По дороге обратно на парковку я убедила себя, что найду Наташу в машине, где она будет, как и прежде, в целости и сохранности пристегнута к своему детскому креслицу. Конечно же, я просто-напросто не заметила ее, потому что меня ослепила паническая атака, такая типичная для женщины, впервые ставшей матерью.

Это материнская слепота, синдром, о котором я раньше никогда не слыхала, но наверняка он и есть всему виной. И тут я увидела лежащую посреди дороги белую пинетку, судя по виду, ручной вязки. Я наклонилась и подняла ее.

«Это могла бы быть и пинетка Таш», — подумала я, вспомнив, сколько всего связала для внучки Шейла. То, что я нашла предмет детской одежды, показалось мне добрым предзнаменованием. Кто-то послал знак, вот только я была слишком глупа, чтобы точно понять смысл этого знака.

Дорогая Наташа!

С днем рождения, солнышко. Моя маленькая Таш уже подросток...

Нет, это не пойдет. Это звучит так, словно она грудной ребенок. Я комкаю письмо и начинаю писать заново. Правда, для меня она и впрямь по-прежнему грудной ребенок.

Дорогая Таш! (так лучше, менее официально)

Не знаю, с чего начать — ведь прошло столько лет. Вероятно, ты не можешь понять, почему я не написала тебе раньше. Если честно, мне было слишком страшно. Я прихожу в смятение, даже когда слышу имя Наташа по телевизору. Понимаешь, я все еще люблю тебя так же сильно, как в те короткие недели, когда ты была рядом со мной. Любить того, кто бесследно пропал, — это, знаешь ли, такая боль, и...

Я комкаю и этот листок. Вздор. Она меня засмеет.

Я опять бросилась назад по Холтс-элли, но поскольку мое тело все еще болело после недавних родов, а растянутый живот ходил ходуном так, словно я выпила галлон свежесжатого апельсинового сока пополам с молоком, мне приходилось двигаться осторожно.

Когда я добежала до машины, Наташи в салоне не оказалось. По-прежнему не было и следа. Я не застала и мужчины в лимонной куртке, старенькой супружеской пары.